

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.4.20

ОСНОВАНИЕ И ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ НАУКИ. ЧАСТЬ 2

**Куприянов Виктор Александрович¹
Смагина Галина Ивановна¹**

---

¹Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критическому анализу зарубежной историографии основания Санкт-Петербургской академии наук. Внимание уделяется немецкой и англо-американской историографическим традициям. Авторы анализируют работы М. Поссельта, В. Штиды, А. Вучинича, С. Уерретта, М. Гордина и др. Показывается развитие подходов в освещении проблемы основания Санкт-Петербургской академии наук. На начальном этапе в западной историографии доминировали немецкие историки науки, для которых важной была проблема роли иностранцев (прежде всего, немцев) в истории основания Академии наук. Авторы статьи показывают, что в этом немецкие историки следовали подходу, развитому в русской дореволюционной историографии. В русле этого же подхода в 1950–1970-х гг. работали и английские, и американские историки науки. В связи с этим авторы статьи обращают внимание на интерпретацию истории русской науки А. Вучинича и показывают её связь с позитивистской историографией. Важным результатом исследования становится выявление факта трансформации в западной историографии основания Академии наук методологических стратегий, связанных с постмодернистской культурологией и социологией. Авторы показывают, что современные англо-американские историки склонны ориентироваться на социальный анализ М. Фуко, Н. Элиаса и других современных влиятельных социологов, что существенно обогащает историографию основания Академии наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

историография, постмодернизм, национальный дискурс, основание Петербургской академии наук, Пётр I, история Академии наук

БЛАГОДАРНОСТИ:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-42-014.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Куприянов В. А. Основание и первые десятилетия деятельности Санкт-Петербургской академии наук в трудах российских и зарубежных историков науки. Часть 2 / В. А. Куприянов, Г. И. Смагина // *Управление наукой: теория и практика.* 2021. Т. 3, № 4. С. 227–253.

DOI: 10.19181/sntp.2021.3.4.20

Вопросам истории Петербургской академии наук, анализу состояния науки, культуры и образования в России XVIII в. посвящён прежде всего ряд работ немецких, американских и английских историков, которые внесли наибольший вклад в рамках зарубежной историографии в исследование этой проблемы. Зарубежные исследования по этой теме появляются позже, чем работы российских историков, – лишь в первой половине XX в. начинают выходить первые значимые работы, посвящённые данной тематике. При этом важно отметить, что работы отечественных историков науки, опубликованные на иностранных языках, прочно вошли и в зарубежную, по преимуществу западную, историографию истории Академии наук, составив для неё исследовательскую основу. Однако хотя в зарубежных работах наблюдается достаточно заметная зависимость от отечественных исследований по этой проблеме, западноевропейские и американские историки сумели привнести и новизну в рассматриваемую область. Немецкая, английская и американская историографии отличаются использованием в целом актуальных для западных гуманитарных наук методологий и теоретических подходов, которые иногда позволяют зарубежным историкам по-новому посмотреть на факты, которые хорошо известны их российским коллегам. Для западных историков науки, как и для отечественных, долгое время центральной оставалась проблема автохтонности русской науки, а также роль иностранного элемента в становлении Академии наук. Однако эта проблема претерпела в западной историографии развитие, став для современных историков второстепенной. Цель данной статьи заключается в аналитическом описании и интерпретации западной историографии основания Санкт-Петербургской академии наук в сравнении с отечественной историко-научной традицией. Мы ограничимся, однако, лишь немецкой и англо-американской историографией, оказавшей наибольшее влияние на понимание западными историками рассматриваемой проблемы.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В XX в.: РОЛЬ НЕМЦЕВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Наиболее ранней работой, в которой затрагиваются проблемы, связанные с основанием Петербургской академии наук, является небольшая книга М. Ф. Поссельта «Пётр Великий и Лейбниц» [1], опубликованная в 1843 г. Автор книги, немецкий философ и историк, на тот момент профессор философии Дерптского университета, предложил общее описание фактов отношений Лейбница и Петра I – переписки Лейбница, показывающей его интерес к России и Петру I, а также личных встреч русского царя и немецкого философа.

В этом контексте важнейшей проблемой в области исследований основания академии наук является вопрос о степени влияния Лейбница на Петра I: насколько значимыми для формирования идеи создания академии наук оказались контакты Петра I с Лейбницем, а также насколько организационные идеи Лейбница были отражены в петровском проекте Академии наук, а затем и в её фактической организации. Некоторые немецкие авторы до сих пор склонны придерживаться мнения, что роль Лейбница в основании Петербургской академии наук была определяющей. Именно этой точки зрения придерживается и М. Ф. Поссельт. Вероятно, можно утверждать, что он впервые высказал её наиболее явно. Приведём весьма характерный пассаж из его книги, являющийся также и единственным комментарием автора по вопросу участия Лейбница в организации Академии наук: «Императорская Российская академия наук, это центральное учреждение по продвижению человеческих знаний, основанное Петром Великим на основе идей и планов Лейбница, является одним из тех, которые <...> наиболее обязаны ему» [1, s. 203]¹.

Вопрос о роли Лейбница в целом в петровских реформах, а также непосредственно в организации Академии наук, стал также и предметом фундаментальной работы В. И. Герье «Лейбниц и его век», второй том которой целиком посвящён вопросу об отношении Лейбница к России и Петру Великому [3]². Работа В. И. Герье в 1873 г. вышла также и на немецком языке [5], оказав влияние на всю немецкую историографию, касающуюся темы «Лейбниц и Россия», важнейшим элементом которой является также и проблема влияния немецкого философа на процесс основания Петербургской академии наук. Как в русской, так и в зарубежной (немецкой и английской) историографии работа Герье полностью вытеснила фактологически менее значимый труд М. Ф. Поссельта, отличающийся наличием большого количества общепило-софских рассуждений в духе немецкого идеализма в сочетании с бедностью исторической конкретики по рассматриваемой теме. Касательно вопроса об основании Петербургской академии наук, главный вывод Герье заключается в том, что в целом учреждённая в 1724 г. Академия лишь отчасти соответствовала идеям, предложенным великим немецким философом. «Учреждённая в действительности Академия наук в Петербурге, – пишет историк, – была только слабым отблеском того учреждения, о котором мечтал Лейбниц» [6, s. XXVI]. Хотя говорить о причинно-следственной связи между основанием Петербургской академии наук и деятельностью Лейбница было бы непозволительным преувеличением, нельзя не согласиться с утверждением В. И. Герье, что «старейшее научное учреждение в России справедливо может гордиться тем, что в его основании принимал участие и своими настояниями, и своим сочувствием один из тех великих людей, заслуги которых всё более и более ценятся по мере развития в потомстве науки и познаний» [6, s. XXVI]. Иными словами, деятельность Лейбница можно признать важным фактором в сложной и многообразной истории основания Петербургской академии

¹ Точку зрения Поссельта в немецкой историографии во многом поддерживает Л. Рихтер. См.: [2].

² Дополнением к тому исследованию стало также выполненное В. И. Герье издание документов, относящихся к теме «Лейбниц и Россия», вышедшее в 1873 году – см.: [4].

наук, в то время как приписывать ему роль единственного инициатора первой в России академии было бы необоснованно. Именно этот вывод впоследствии лёг в основу подхода, развитого Ю. Х. Копелевич в книге «Основание Петербургской академии наук». Вслед за Герье Копелевич верно указывает, что «Лейбниц может быть назван соучастником разработки идеи о создании в России Академии наук» [7, с. 38].

Частный вопрос об отношении Лейбница к России и его участии в основании Петербургской академии наук имеет и более глубокие основания, которые, как мы показали, были важны для отечественной историографии этого вопроса, но не менее ярко проявились и в работах зарубежных историков, прежде всего немцев. Это вопрос о роли иностранцев в истории русской науки, а также о масштабах заимствований, которые происходили, начиная с петровских преобразований. В связи с этим возникает и вопрос, насколько можно говорить о том, что в России наука в начале XVIII в. была полностью трансплантирована с Запада; было ли основание Академии наук инспирировано из-за рубежа, или же существовали и собственные, автохтонные, причины, которые привели к созданию первой и старейшей в России научной организации. Комплекс этих важнейших вопросов по-разному решался в отечественной историографии основания Академии наук и остаётся дискуссионным по сей день. В немецкой исторической науке ситуация в этом отношении была более определённой. Нельзя в этом контексте не обратить внимания на, вероятно, первую и наиболее важную немецкую работу об основании Петербургской академии наук, принадлежащую перу В. Штиды [8], крупного немецкого историка и экономиста, оставившего также и влиятельный труд, посвящённый Л. Эйлеру [9]. В. Штида выделяет роль немцев в ранней истории Петербургской академии наук, считая её организацию важной заслугой именно немецких учёных. Свой очерк ранней истории Академии наук Штида начинает с подробного описания ситуации в области образования, указывая на то, что гимназия и университет, основанные при Академии наук, не пользовались популярностью среди русских, о чём свидетельствует динамика численности гимназистов и студентов университета. В этой части Штида опирается на классические исследования Д. А. Толстого³, практически полностью повторяя его выводы. То есть, хотя Штида и признаёт, что в конце XVII – начале XVIII вв. в России присутствовали интерес и даже жажда к науке (*Wissensdurst*), внутренние условия для создания Академии он в целом считает неблагоприятными. Именно в этом контексте важен его вывод: «Следует удивляться, что в этих гнетущих условиях вообще удалось основать Академию наук и, возможно, даже более – что она уже в первой половине века расцвела. Последнее было заслугой учёных, призванных в качестве академиков из немецкоязычных стран, включая Швейцарию» [8, s. 137]. Даже тот факт, что Академия, согласно петровскому проекту, должна была финансироваться из лецентных сборов с прибалтийских городов, указывает для Штиды на то, что она существовала «на немецкие деньги». Приведём также весьма характерный пассаж из рассматриваемой работы: «Прежде всего, немецкие учёные, и если не совсем немецкие деньги, то, по крайней

³ См.: [10; 11].

мере, деньги, которые были собраны немецким трудом и немецкой деятельностью в недавно завоеванных областях, должны были использоваться для репутации России в научной сфере» [8, s. 142]. Ясно, что и роль Лейбница в основании Академии наук Штида также оценивает высоко, говоря, что именно немецкому философу Петербургская академия наук обязана своим возникновением [8, s. 141].

Как известно, роль немцев в ранней истории Петербургской академии наук весьма противоречива, учитывая, в частности, историю академической канцелярии. Однако факт преувеличения значимости немецкого влияния в работе Штиды налицо. Тем не менее его работа важна также и тем, что он касается практически всех значимых вопросов ранней истории Академии наук, высказываясь отнюдь не только по проблеме иностранного влияния. Рассматривает Штида историю приглашения зарубежных учёных, вопросы организации Академии, роль Х. Вольфа и причины его отказа приехать в Россию, деятельность первых академиков, историю академической канцелярии, историю создания Регламента 1747 г. и, конечно, вопрос о русификации Академии наук. В целом, признавая все сложности, которые возникли на пути становления Академии наук, Штида даёт ей высокую оценку, делая тот неоспоримый для современного исследователя вывод, что Петербургская академия наук сыграла в XVIII в. огромную роль в истории отечественной науки. Не менее важны и мысли Штиды о том, что первый состав академиков отличался высочайшим научным уровнем и в конечном счёте составил славу не только России, но и в целом европейской науки того времени (в связи с этим обоснованно упоминаются Л. Эйлер, Д. Бернулли, Ж.-Н. Делиль, Я. Герман) [8, s. 150–151]. Говоря об общем влиянии Академии на историю русской науки, Штида приходит к верному заключению, что основание Академии наук создало почву для развития просвещения в России. Уже в XVIII в. такие важные государственные мероприятия, как основание Вольного экономического общества, а также школьная реформа Екатерины II, были бы невозможны без деятельности Академии наук. Тем самым немецкий историк показывает, что в конечном счёте Пётр I был на правильном пути, а его идея восторжествовала [8, s. 163].

Обстоятельная статья В. Штиды, появившаяся в 1926 г. и оказавшая влияние на всю немецкую историографию основания Петербургской академии наук, была не единственной работой, посвящённой этой тематике. Значимостью обладают также и работы Й. Беккера [12] и В. Хинца [13]. Статья Й. Беккера предваряет публикацию переписки Х. Ф. Гросса, профессора моральной философии в Петербургской академии наук, и Й. Ф. А. фон Уффенбаха (1687–1769), относящуюся к 1725–1726 гг. В основном приводятся сохранившиеся в библиотеке Геттингенского университета письма Х. Ф. Гросса Уффенбаху, в которых раскрываются обстоятельства пребывания Гросса в Петербурге и ситуация в Академии (письма относятся к 1726 г.). В предваряющей статье кратко раскрываются обстоятельства знакомства Гросса и Уффенбаха. Вполне логично, что главная цель публикации этих источников, несомненно, важных и интересных для истории первых десятилетий деятельности Академии наук, заключается в демонстрации большой

роли немецкого элемента в начальный период академической истории. Автор в связи с этим указывает: «Если взглянуть на представленные ниже документы, нельзя не признать подавляющую долю немецкого научного элемента в первое десятилетие (истории Академии наук. – Г. С., В. К.)» [12, s. 605].

На общем фоне немецких работ по теме основания Петербургской академии наук выделяется работа В. Хинца, вышедшая в том же «Ежегоднике по славянской культуре и истории» в 1932 г. Работа посвящена вкладу Петра I в научную и художественную культуру его времени. Очевидно, что автор не мог обойти вниманием и историю основания Петербургской академии наук. Рассматриваемая работа отличается более взвешенным взглядом на роль иностранцев в истории основания и первых лет Академии наук. Появление самой идеи основать Академию В. Хинц относит к периоду не позже 1712 г. Впервые в немецкой историографии обозначается роль визитов Петра I в Западную Европу, а также указывается на роль, в частности, записки Генриха Фикса (Bericht Heinrich Ficks) [13, s. 406]. Хотя, конечно, немецкий историк подчёркивает и участие Лейбница в формировании у Петра I намерения основать Академию наук, что, впрочем, само по себе сложно было бы оспаривать. Вслед за немецкими и русскими историками В. Хинц обращает внимание также и на практическое значение Академии наук для Петра I, для которого занятие умозрительными науками было второстепенным [13, s. 407–408]. Для иллюстрации этого тезиса немецкий исследователь приводит сведения о внутренней структуре Академии наук. Нужно отметить в этом контексте, что указания на утилитарную направленность петровских преобразований в области науки (основание Академии наук) присутствуют в работах многих историков. Подобные утверждения можно встретить уже в упомянутой выше работе В. И. Герье. Для анализа петровского проекта Академии этот вывод правомерен, и он, безусловно, соответствует петровским представлениям о науке. Однако, как теперь понятно, исследования ранней истории Академии наук дают основания для корректировки подобного вывода, поскольку, хотя практические задачи играли важную роль в течение первых лет истории Академии, теоретические исследования, очевидно, в деятельности первых академиков преобладали, на что обращает внимание уже Ю. Х. Копелевич [7, с. 159–163]. Тем не менее мысль об утилитарности петровского проекта Академии наук прочно укоренилась в зарубежной историографии, в чём она согласна и с отечественной исторической традицией.

В послевоенной немецкой исторической науке интерес к проблеме основания Академии наук не исчез. Можно скорее говорить о континуитете в исследовании этой проблемы, при котором подходы немецких историков, а также и сама направленность их интереса остались прежними. Можно в связи с этим обратить внимание на интересную работу Э. Бенца [14], в которой с разных сторон рассматриваются отношения Лейбница к России и Петру I. Работа примечательна тем, что в ней указывается связь между усилиями Лейбница по организации Берлинской академии наук и его аналогичными усилиями в отношении России. Подобные компаративные исследования не всегда проводятся отечественными учёными, что делает для нас зарубежную историографию особенно актуальной.

В рассматриваемый период крупных работ по проблеме основания Академии наук на немецком языке не вышло. Немецкие историки по большей части интересуются достаточно частными сюжетами из ранней истории Петербургской академии наук⁴. В центре внимания немецких исследователей ожидаемо находятся вопросы, связанные с международным академическим трансфером и русско-немецкими научными связями⁵. Интересна в связи с этим статья, посвящённая контактам Блюментроста, Шумахера и первых академиков с издателями лейпцигского журнала «Новая лейпцигская учёная газета», который, как показывает автор, играл существенную роль в коммуникации с западным научным миром в самый ранний период истории Академии наук [18].

Из работ, затрагивающих собственно историю основания Петербургской академии наук, выделяется очерк К. Грау, вышедший в 1988 г. [19]. В освещении истории основания и первых десятилетий деятельности Петербургской академии наук К. Грау придерживается традиционных для немецкой науки тем, связанных с историей приглашения первых академиков, роли Петра I и его контактов с Лейбницем. Однако подход Грау отличается сбалансированностью в решении вопроса о роли иностранного влияния в генезисе Академии наук, что является, несомненно, положительной стороной его работы. Более того, Грау обращает внимание на то, что национальный аспект в деятельности первых академиков был второстепенным. Наоборот, основание Академии наук рассматривалось ими в качестве «решительной попытки расширить Республику учёных» [19, s. 129]. Пожалуй, впервые немецкий историк обращает внимание, что именно этот аспект был преобладающим в том интересе, который, в частности, Лейбниц и Вольф проявляли к основанию Академии наук. Немецкие историки 1920–1930-х гг. обращали внимание прежде всего на «роль немецкого элемента», тем самым существенно «национализируя» вопрос об основании Академии наук. Этот подход вполне можно было бы обозначить как своего рода «национальный дискурс» в историографии Академии наук, который в целом был свойствен исторической науке XIX – начала XX в. и который был столь заметен в российской историографии того времени. К. Грау верно указывает на маргинальность «национального дискурса» применительно к началу XVIII в., чем его работа оказывается особенно ценной. Немецкий историк рассматривает основание Петербургской академии в контексте общего академического движения XVII–XVIII вв., показывая, что создание в России подобной организации оказалось подтверждением потенциала «академической мысли с точки зрения эффективности исследовательской организации» [19, s. 129]. Этот вывод представляется нам немаловажным, поскольку именно он в полной мере отражает реалии того времени. Не менее важно и указание Грау на то, что Петербургская академия наук уже в первой половине XVIII в. заняла равноправное место в ряду европейских академий, что было обусловлено её широкой международной деятельностью (публикация «Комментариев», обмен корреспонденцией, избрание членами академии известных учёных). Этот вывод, как мы видели,

⁴ В связи с этим можно указать следующие публикации: [15; 16].

⁵ Обзор литературы по теме см.: [17].

ником из немецких историков не оспаривается, однако подход Грау отличается тем, что ему удаётся показать масштабность деятельности Академии наук в XVIII в. путём интересных сравнительных исследований, которыми наполнена его книга.

Современные немецкие историки науки также не обходят стороной вопросы истории основания и первых лет Петербургской академии наук. При этом неизменным остаётся интерес именно к проблеме основания Академии наук и её роли в отечественной истории. Немецкие исследователи обращают внимание, в частности, на то обстоятельство, что Петербургская академия наук имела огромное значение для общего развития России. Так, немецкий историк Клаус Шарф, рассматривая предпосылки основания Берлинской и Петербургской академий наук и их отношения в XVIII в. в европейской перспективе, пришёл к выводу, что «история Пруссии сложилась бы в XVIII в. приблизительно так же и без Берлинской академии, в то время как создание Петербургской Академии во многом определило ход исторического развития Российской империи в XVIII в.» [20, с. 23]. Работы немецких историков в основном касаются вопросов иностранного (немецкого) влияния на возникновение Петербургской академии наук, приглашения учёных в Россию, внутреннего устройства Академии, а также аналитики исследований, которые проводились в тот период приглашёнными и российскими учёными. В этом немецкая историография следует по пути, проложенному отечественными историками, поскольку все эти темы подробно обсуждаются в российских и советских исследованиях по истории Академии наук. Немецкие историки лишь расставляют иные акценты, более пристально рассматривая вопрос об иностранном участии в основании Академии наук.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСНОВАНИИ АКАДЕМИИ НАУК В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Англоязычные публикации по проблеме основания Петербургской академии наук появляются позже и отличаются применением новой, более современной методологии. Однако и они во многом следуют за российскими и немецкими историками, которые по большей части занимались проблемой иностранного участия в ранней истории Академии наук. В русле этого подхода написана и первая англоязычная публикация по истории основания Петербургской академии наук, принадлежащая А. Липскому [21], специалисту по русской истории XVIII в. Оценки А. Липского близки тем, которые высказывали немецкие учёные. Автор в целом не без оснований полагает, что на период основания Академии наук в России фактически отсутствовала наука. Соответственно, заимствование западной науки он рассматривает в качестве усилий Петра I, направленных на преодоление отсталости России. Суть этих усилий характеризуется в данном случае термином «имплантация зарубежной организации» [21, р. 350]. В качестве импульса к подобной деятельности рассматриваются исключительно контакты Петра I с Лейбницем, его поездки на Запад и, конечно, факт избрания в Парижскую академию наук. При этом

усилия русского царя по основанию Академии наук автор относит к периоду не ранее 1720 г., что на основе современных данных не может быть признано верным. Интересным аспектом работы Липского является сравнение процесса основания первой русской научной организации с аналогичными западными структурами (академиями и обществами) – такого рода сравнение в западной литературе было сделано впервые. Здесь обращает на себя внимание подчеркнутый Липским факт, что на членов Петербургской академии, в отличие от их западных «собратьев», были возложены функции преподавания своих дисциплин, в силу чего Академия в России долго выполняла и роль образовательной организации. Липский справедливо пишет о том, что на Западе академии возникали из ядра неформальных групп частных лиц (можно в связи с этим упомянуть и Парижскую академию наук, и Лондонское королевское общество), в то время как в России подобных условий не было. Можно сказать, что в результате этого в России Академия формировалась «сверху» властными усилиями государства во главе с царём-реформатором и в этом смысле именно государство выступало главной инстанцией, отвечающей за просвещение. Надо сказать, что этот факт отмечался несколько раньше и в русской историографии⁶, хотя и не получил дальнейшего освещения в исследованиях по истории Академии наук. Однако в целом первый состав академиков Липский оценивает очень высоко, указывая на то, что благодаря усилиям Л. Л. Блюментроста, И. Д. Шумахера и Х. Вольфа «удалось собрать несколько первоклассных европейских учёных» [21, р. 352]. В результате в первые годы своего существования Академия превратилась в один из ведущих центров научных исследований в Европе [21, р. 353], что, очевидно, заложило и прочные основания для дальнейшего развития науки в России. Заканчивает автор свою статью словами о том, что западная наука прочно утвердилась в России [21, р. 354].

Большое значение для западной историографии Академии наук имеет работа американского историка и социолога А. Вучинича «Наука в русской культуре» [23]. Книга А. Вучинича посвящена исследованию истории российской науки в биографическом, дисциплинарном и институциональном аспектах. Основная часть книги посвящена истории науки в XVIII в., которая неразрывно связана с Петербургской академией наук. Историю основания Академии наук Вучинич рассматривает в широком культурном контексте, который включает в себя описание биографий наиболее заметных учёных, оказавших влияние на развитие российской науки, общих культурных условий, сопровождавших возникновение первой российской научной организации, а также детальное описание собственно основания и первых лет Петербургской академии наук. Важно обратить внимание на методологию, на которую опирается Вучинич, поскольку именно она задаёт общие рамки его исследований. Среди западных историков он наиболее последователен в применении позитивистского метода в историографии. При этом важно обратить внимание, что в основе его концепции лежит классический позитивизм О. Конта, нашедший в области историографии истории науки такого

⁶ Речь идёт о концепции типов интеллигенции Г. Г. Шпета, который обращает внимание на роль правительства как главного «агента просвещения» в России XVIII в. См. об этом: [22].

яркого приверженца, как Дж. Сартон. Описывая историю основания Санкт-Петербургской академии наук, Вучинич опирается на представление, что между наукой и религией имеет место глубокий конфликт; наука как таковая понимается им как абсолютно внерелигиозная [23, р. XIII–XIV]. Более того, она является свободным мышлением, направленным на критику. Наука, по мнению американского исследователя, «представляет собой вызов установленным авторитетам, она есть критицизм, рациональность и индивидуализм» [23, р. XIII].

Историю зарождения науки в России Вучинич справедливо связывает с основанием Академии наук, подчёркивая, что таким образом в России возникла совершенно новая институция. Причём речь в данном случае идёт не столько об организации, сколько о принципиально новом типе мышления, каковым оказалась наука. Процесс становления нового мышления Вучинич однозначно связывает с вестернизацией России, верно полагая, что главной особенностью истории российской науки в XVIII в. является постепенная рецепция западной культуры. В соответствии с позитивистской методологией он рассматривает зарождение науки в России и основание Академии наук как процесс преодоления религиозного мировоззрения, которое он в случае с допетровской Россией называет византизмом. Византизм предстаёт в работе Вучинича абсолютным противником науки в России, средневековой религиозной догмой, тормозящей прогресс человечества, главным компонентом которого является наука. В оппозиции к византизму и находилось, по мнению Вучинича, создание в 1724 г. Петербургской академии наук.

В описании собственно истории основания Академии наук Вучинич обращает внимание на весь контекст, сопровождавший этот процесс: личность Петра I, его поездки в Западную Европу, роль его контактов с Лейбницем. Важно, что он, вероятно, единственный из западных историков, кто обращает внимание на наличие в России внутреннего запроса на создание научной организации [23, р. 65]. Вучинич подчёркивает несистематичность образования Петра I, а также его утилитарное отношение к науке. Говоря о влиянии Лейбница, американский историк полагает, что именно этим обусловлено то, что русское слова «наука» оказалось настолько же широким по смыслу, что и немецкое «Wissenschaft», которое включает историю, философию, естествознание и социальные науки [23, р. 47]. Важным представляется в этом контексте то, что и Лейбниц, и Пётр I были ориентированы на преодоление их странами отсталости в области науки – особенность, которая не замечена была другими западными историками.

Значимым в книге Вучинича является и то, что он считает Академию наук центральным научным учреждением России, подчёркивая, что именно в таком статусе она и создавалась [23, р. 65–74]. Говоря о западноевропейских академиях и обществах, которые оказали влияние на основание Петербургской академии наук, Вучинич склонен считать, что решающее значение имел опыт Берлинской академии наук.

Немаловажной для понимания ранней истории Академии наук представляется и классическая работа В. Босса, посвящённая рецепции механики Ньютона в России [24]. В 1970-е гг. в западной литературе по истории рос-

сийской науки эта книга оказалась во многом новаторской не только потому, что она содержит анализ нового и, безусловно, ценного исторического материала, но также и потому, что заставила зарубежных историков по-новому рассмотреть историю русской науки в XVIII в. Предметом исследования В. Босса является история рецепции натуральной философии И. Ньютона в России в XVIII в. Известная книга великого английского учёного вышла в свет в 1687 г., и к началу XVIII в. теория, изложенная в ней, стала предметом бурных дискуссий среди европейских учёных. Причём спектр проблем, которые затрагивались в этих спорах, охватывал весьма широкий круг научных дисциплин, начиная с философии и кончая собственно физикой. Важным достижением В. Босса является доказательство того, что натуральная философия Ньютона была известна в России ещё до основания Петербургской академии наук, что он связывает с именем сподвижника Петра I Я. Брюса. Основание Академии наук в Петербурге стало, однако, поворотным пунктом в истории рецепции Ньютона в России. Как показывает американский историк, приезд в Петербург ведущих европейских учёных обеспечил и импортирование в Россию дискуссий и споров, связанных с философией Ньютона. В России – стране, которая была лишена научной культуры, – возникает нечто принципиально новое – спор сторонников Декарта и Ньютона, напрямую затрагивающий фундаментальные проблемы науки. Книга В. Босса важна для ранней истории Академии наук, прежде всего, детальной реконструкцией дебатов, которые наполняли научную жизнь академии того времени [24, р. 93–184]. Касательно собственно основания Петербургской академии наук интересно указание В. Босса на роль в этом Я. Брюса, по настоянию которого, по мнению американского историка, шесть из десяти первых приглашённых академиков были математиками [24, р. 94].

Об интересе англоязычных историков к тематике основания и ранней истории Петербургской академии наук свидетельствуют отдельные работы, посвящённые этому вопросу. Нельзя в этом контексте не упомянуть классическую книгу об академиях наук XVIII в. Дж. Макклеллана, в которой затрагивается и история основания Петербургской академии наук [25, р. 75–77].

Большое значение для англоязычной историографии основания Академии наук имела работа Ю. Х. Копелевич [26]. Она учитывается в работе Л. Шульце, посвящённой ранней истории Петербургской академии наук [27]. Здесь нужно отметить, что во всех упомянутых нами западных исследованиях по истории академии наук ранним называется весь период XVIII в. Соответственно, работа Л. Шульце также посвящена истории академической науки в этот период. В центре внимания исследовательницы – процесс русификации Академии наук на протяжении всего XVIII в. Однако Л. Шульце описывает в целом всю канву истории Петербургской академии наук того времени. Многие сюжеты (как, например, вопрос о влиянии Лейбница) рассматриваются ею весьма бегло, поскольку, как мы показали, в западной историографии многие узловые пункты в истории Петербургской академии наук получили достаточно адекватное освещение. Автор рассматриваемой работы внесла вклад в историографию основания Академии наук, главным образом, своим анализом публикационной активности Академии наук в XVIII,

а также анализом динамики национального состава Академии и её социального облика. В статье также приводятся достаточно интересные объяснения полученным данным. Нужно отметить, что подобных исследований нет не только в зарубежной, но также и в отечественной историографии. В основе подхода Л. Шульце лежит весьма необычное деление структуры Академии на «ядро Академии» (это академическая конференция, университет и гимназия) и «суперструктуру Академии» (канцелярия, издательство, мастерские, Библиотека, Кунсткамера, вспомогательные отделения и пр.). Динамика численности, национального, а также социального состава Академии наук показывается как в целом по Академии, так и по выделенным её структурным «частям». В период с 1724 по 1747 г. Шульце выявила интересную тенденцию. В статье показывается, что на начальном этапе (в 1727 г.) Академия практически целиком состояла из иностранцев: из 84 чел., составлявших «ядро Академии», был один русский (Адодуров, с 1733 г.), а из оставшихся 54 чел. в «суперструктуре Академии наук» русских было всего 6 (здесь не учитываются лица неустановленного происхождения). Причём на 7 русских в сумме приходилось 500 руб. заработной платы, в то время как иностранцы в общей сложности получали 20 000 руб. Затем к 1735 г. произошёл заметный численный рост русских в именно в суперструктуре, прежде всего, в мастерских Академии наук, в то время как в «ядре Академии» сохранялся *status quo*. Затем к 1742 году эта тенденция в мастерских продолжилась во многом благодаря деятельности Нартова. И, наконец, к 1746 г. общее количество иностранцев в Академии наук упало, в то время как количество русских оставалось относительно стабильным. Таким образом, как показывает Л. Шульце, в обозначенный период происходит медленный рост количества русских членов Академии наук при выраженной пролиферации вспомогательного персонала за счёт именно лиц русского происхождения. При этом общая сумма выплат иностранцам была выше, чем выходцам из России. Объяснение этого разрыва в заработной плате Шульце убедительно объясняет тем, что оплата труда академиков основывалась на их квалификации и международной репутации, чего в отношении отечественных исследователей в тот период можно было сказать не всегда (учитывая, что до 1745 г. русских академиков не было, были же только адъюнкты, которым по понятным причинам платили меньше) [27, р. 314–316], в то же время большая часть русских работала на «вненаучных» должностях в Академии, что также влияло на заработную плату.

Имеют большое научное значение и приведённые в статье данные о национальном составе членов академии на протяжении всего XVIII в., а также об их публикационной активности. Как показала Л. Шульце, иностранцы среди членов академии доминировали до середины XVIII в, более того, во времена правления Анны Иоанновны их численность достигла своего максимума за весь век, после чего начала резко падать до минимума в середине 1750-х гг. В конце 1760-х снова произошёл резкий рост, совпадающий с возвращением Л. Эйлера в Россию. К концу же XVIII в. уменьшилось число не только иностранцев Академии, но и академиков в целом.

Если рассматривать публикационную активность в главных академических изданиях (речь идёт о «Комментариях Петербургской академии наук» и наследующих им изданиях), то в них, по наблюдениям Шульце, всегда доминировали иностранцы, что она объясняет хорошим знанием ими соответствующих языков (латинского, в частности) и их высокой квалификацией, обеспечившей авторитетность этих академических периодических изданий в Европе [27, р. 323–326]. К сожалению, в статье не приводится подробного статистического анализа состава Академии наук, собраны не все нужные для этого данные. Подобного рода исследование, которого пока нет, позволило бы выявить много нового в истории Академии наук и понять некоторые неявные её особенности. Однако в статье приводится достаточно много интересных интерпретаций, касающихся деятельности Дашковой на посту директора Академии наук, учитывается история академической гимназии и академического университета, обсуждается петровский проект Академии наук, а также регламент 1747 г. В целом рассмотренная статья может быть охарактеризована как важный этап в развитии западной историографии основания и первых лет Петербургской академии наук.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОСНОВАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ

В 1990–2000-е гг. происходит заметное обновление историографии основания Петербургской академии наук. В этот период в английской истории науки впервые начинают применяться новые подходы к исследованию этой проблематики, что повлекло за собой рассмотрение того же самого материала в новом свете. Подчеркнём, что произошедшие изменения имели место именно в англо-американской науке, которая более, чем континентальная гуманитарная традиция (в частности, немецкая), оказалась восприимчива к новым тенденциям в исторических исследованиях. Кроме того, именно в англо-американской истории науки впервые в зарубежной историографии появляется крупный труд по истории Петербургской академии наук в XVIII в. В связи с этим нельзя не обратить внимание на работы английского историка науки С. Уэрретта, перу которого принадлежит единственная в зарубежной исторической науке крупная работа по истории Петербургской академии наук XVIII в. [28]. Вопросы способов приглашения иностранных учёных в Россию, истории формирования идеи Академии наук и написания её проекта, в т. ч. и его авторства, научных исследований, проводившихся в Академии в тот период и прочие сюжеты, уже достаточно подробно описанные в более ранних отечественных и зарубежных исследованиях, получают в работах С. Уэрретта совершенно новую контекстуализацию. Английский историк науки достаточно широко использует постмодернистские подходы, распространившиеся в западных гуманитарных науках с конца 1980-х гг. Теоретически значимой для Уэрретта является, на наш взгляд, социоло-

гия Н. Элиаса, в частности, его концепция цивилизации⁷. Соответственно, в своей работе Уэрретт в качестве общей рамки для рассмотрения истории Петербургской академии наук в XVIII в. использует идею трансформации придворного этикета, манер и правил бытового поведения, трансляции которых, по его мнению, и служила Академия наук, основанная для этой цели Петром I. Однако в качестве основы для своей интерпретации С. Уэрретт использует не только социологию Элиаса, но и ряд достаточно распространённых на Западе культурологических и социологических концепций. Автор, в частности, трактует историю Петербургской академии наук в рамках идеи о механизме как об отличительной черте культуры раннего Нового времени, а также через ту идею, что целью Петра I было создание милитаристского государства. В этой части автор имеет в виду, видимо, то, что российские историки чаще называют «регулярным государством». Наибольшее же значение для Уэрретта, на наш взгляд, имеет социальная философия М. Фуко. Уэрретт широко использует теоретический инструментарий, представленный в книгах «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», а также «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»⁸. Однако, какими бы спорными ни казались интерпретационные подходы английского историка, в своей работе он приводит достаточно много фактологического материала, представив таким образом самое подробное и детальное исследование по истории основания и первых лет Петербургской академии наук в зарубежной историографии.

Работа состоит из двенадцати глав, а также введения и заключения, в которых раскрываются общие интерпретационные подходы автора. Уэрретт рассматривает такие вопросы, как основание Санкт-Петербурга, основание Петербургской академии наук, основание Кунсткамеры, реформы Петра I в области культуры, а также деятельность Потёмкина. Некоторые из исследований представлены в виде отдельных статей, одно из которых публиковалось и в России⁹. В фактологическом отношении для отечественных историков работа Уэрретта не даёт многого, поскольку автор излагает материал, уже получивший достаточно широкое освещение в специальной литературе. Интересны в данном случае именно методология и интерпретативные схемы. Основная мысль Уэрретта, явно позаимствованная им у М. Фуко, заключается в том, что Академия наук являлась, по его мнению, *дисциплинирующим институтом*, который Пётр I использовал для вестернизации русского общества. В этом и заключалась конечная цель основания Академии наук, которая предназначалась для того, чтобы, как пишет Уэрретт, «обучить хорошему порядку». Имеется в виду, что целью создания Академии наук, как, впрочем, и всех петровских реформ, было формирование просвещённого порядка. В связи с этим Уэрретт обращает внимание на то, что он называет «культурой демонстрации, – например, публичные лекции, показы, демонстрации экспериментов [28, р. 12]. Вот как характеризует это сам автор: «Как таковая демонстрация зависела от набора методов и эпистемологических новшеств, которые стали характерными для просвещённых эксперименталь-

⁷ См.: [29].

⁸ См.: [30; 31].

⁹ См.: [32; 33].

ных наук. Демонстрационная лекция перенесла представления XVII в. о «демонстрации» как строгом логическом доказательстве на арену искусственного экспериментального опыта. Демонстрационные эксперименты не создавали новых знаний, их всё чаще считали демонстрацией посредством самих явлений обоснованности теорий и морали, которые эти эксперименты должны были демонстрировать. В этом смысле демонстрационные лекции не были нейтральным, случайным общением, но составляли основу знания, всегда одновременно объясняя что-то известное и закрепляя легитимность этого знания» [28, р. 13]. В соответствии с этим подходом Уэрретт большое внимание уделяет внешнему церемониалу, «социальным практикам», принятым в Академии, оформлению изданий, а также особенностям архитектуры академических помещений, что в совокупности рассматривается как система инстанций дисциплинирования, то есть формирования нового социального порядка. Причём, как отмечает автор вслед за А. Липским, если на Западе формирование этого порядка происходило снизу (в связи с этим указывается роль научных салонов в Англии), то в России аналогичные процессы имели своим источником деятельность самодержавия, то есть, как принято говорить, осуществлялись сверху [28, р. 12]. Интересно при этом, что Уэрретт считает демонстрации социального порядка театром и в этом отношении называет такого рода культуру театральной. Основание Академии наук рассматривается в качестве репрезентации такого рода театральной культуры. Театральное представление создавало, по мнению Уэрретта, публичное пространство, которое и осуществляло дисциплинирование аудитории [28, р. 14]. При этом Уэрретт вполне обоснованно связывает новизну своего подхода с отказом от классической мертонианской программы социальных исследований науки, которая рассматривала науку как автономную структуру, подчинённую собственным ценностям. В силу этого выделялись внешние (социальные) аспекты развития науки и внутренние (когнитивные), смешивание которых не допускалось. В духе постмодернистской историографии Уэрретт считает подобный подход неверным и предлагает его заменить на то, что мы назвали бы историей социальных практик. Причём, как можно видеть, в основе этого подхода лежит социальная теория М. Фуко. Также немаловажным новаторством Уэрретт справедливо считает отказ от рассмотрения истории Академии наук в первой половине XVIII в. через призму идей национальной автономии (процесс русификации Академии наук) и административной автономии. Как мы показали, именно вопрос о русификации академической науки стал одним из центральных в западной историографии Академии наук. В работе же Уэрретта он не рассматривается. В этом отношении можно согласиться с автором, что его исследование обладает несомненной новизной.

Нельзя сказать, что подобный подход не имеет права на существование. Более того, автору удаётся по-новому взглянуть на хорошо известные факты. Однако насколько его интерпретации исторически убедительны? Вот как Уэрретт трактует торжественное собрание в доме Шафирова 1 августа 1726 в присутствии Екатерины I: по его мнению, «это собрание характеризовалось <...> представлением порядка» [28, р. 76]; речи, произнесённые

академиками, музыкальное сопровождение, ряды солдат, поведение императрицы, обусловленное нормами придворного этикета, – всё это трактуется как выражение «статуса Академии наук как полноправного компонента петербургской культуры. В то время как за кулисами академики ссорились, оно (собрание. – Г. С., В. К.) представляло демонстрацию аналитического хорошего порядка внутри театра суверенной власти. Математическое шоу, академики, представляющие музыку и поэзию среди солдат, стяги и барабаны в честь императрицы Екатерины. Это был типичный пример “*theatrum machinarum*” в России XVIII в.» [28, р. 76]. Само основание Петербурга трактуется английским историком в том смысле, что Пётр I хотел создать «рай на земле» [28, р. 60]. Для этого же, если продолжать его логику, должна была быть основана и Академия наук.

В том же ключе интерпретируется и основание Петром Великим Кунсткамеры, а также образовательных учреждений. Кунсткамера, к примеру, «способствовала конструированию нового государства и как место для дисциплинирования москвитов, и как средство демонстрации естественнонаучного и практического знания» [28, р. 60]. Так, по мнению Уэрретта, целью показа монстров, по мнению Уэрретта, была демонстрация преимуществ порядка над беспорядком: публике показывали тот самый «хороший порядок», создание которого было в целом главной задачей всех петровских реформ.

Таков в целом концептуальный остов предлагаемой английским историком интерпретации. Стоит, однако, добавить, что на фоне столь нестандартной трактовки истории основания Академии наук автору удаётся привнести и новые смыслы в достаточно давно обсуждаемую историками тему о роли Лейбница в этом историческом событии. Пожалуй, впервые в историографии предпринимается попытка связать усилия Лейбница по развитию просвещения в России с его философскими взглядами. В частности, Уэрретт указывает на связь академических проектов Лейбница с его камералистской философией [28, р. 61], хотя, на наш взгляд, более важен в данном случае круг вопросов, связанных с религией и философской теологией. При этом, говоря о генезисе идеи создания в России Академии наук, Уэрретт верно указывает не на какую-то одну причину, а стремится реконструировать весь комплекс обстоятельств, сопровождавших столь важное историческое событие. В этом контексте упоминаются не только беседы с Лейбницем (чем грешили западные историки более раннего времени), но также и визиты Петра I за границу, его избрание в Парижскую академию наук и, как это ни странно, интерес к вечному двигателю Орфиреуса (саксонского ученого И. Э. Бесслера), для проверки которого был, как известно, в 1721 г. отправлен И. Д. Шумахер [28, р. 61]. Объяснение же деятельности Шумахера, которое предлагает Уэрретт, также заслуживает упоминания, поскольку и тут английскому историку удалось привнести некоторую новизну. В русской дореволюционной и советской историографии деятельность Шумахера рассматривается по большей части в негативном ключе. Часто его представляют как автократа, стремившегося помешать академической самостоятельности и русификации науки. Уэрретт считает, что сохранение Академии наук в сложный начальный период (в пе-

риод правления Анны Иоанновны) состоялось во многом в результате деятельности Шумахера¹⁰.

Как можно видеть, Уэрретту в целом удалось существенно обновить западную историографию основания Академии наук. Во многом это стало, как мы полагаем, результатом применения новой методологии и новых философских установок, связанных с постмодернизмом. Однако его работа не единственная в этом жанре. В том же году в авторитетном американском историко-научном и философском журнале «Isis» вышла статья М. Д. Гордина, который исходит из в целом сходной методологической базы [34]. Автор не упоминает Н. Элиаса, однако влияние социологической концепции немецкого философа в его работе также прослеживается. М. Д. Гордин рассматривает историю основания Петербургской академии наук в контексте образовательной реформы и реформы этикета («new manners reform»). Как полагает автор, создание Академии наук было центральным элементом образовательной реформы Петра I. Общей целью реформы было создание «новых социальных классов через образовательную стратификацию и изменение способа поведения этих классов через культурные реформы» [34, р. 2]. То есть образовательная реформа была направлена на создание нового класса, а культурная реформа (или, как её называет автор, «manners reform») – на создание новых функций классов. В последней части М. Д. Гордин опирается также и на современные исследования по истории западных академий и научных обществ, представленные в трудах М. Биаджоли [35]. В своих исследованиях М. Биаджоли показывает, что академии (их устройство и функционирование) зависели от того, что он называет «режимами этикета». Гордин переворачивает эту мысль и утверждает, что в случае Петербургской академии наук она сама должна была создавать такого рода «код поведения» [34, р. 3]. Таким образом, Пётр I стремился достичь своей главной цели – вестернизации русского общества. Такого рода интерпретативный подход приводит Гордина к неожиданным выводам, которые расходятся с традиционной историографией. В частности, переосмысливается роль Лейбница в основании Академии наук, а также роль самого Петра I, которого автор предлагает рассматривать как просвещённого монарха. Для доказательства же своей точки зрения автор подробно исследует три сюжета из ранней истории и предыстории Академии наук: перевод на русский язык трактата Х. Гюйгенса «Космотеорос», петровский проект Академии, утверждённый в 1724 г., а также спор Д. Бернулли и Г. Бильфингера.

Обсуждая роль Лейбница, Гордин полагает, что его влияние на Петра I было решающим для основания Академии наук. При обсуждении проблемы основания Петербургской академии наук автор проводит сравнение с Лондонским королевским обществом, Парижской академией наук и Берлинской академией наук. Как он полагает, именно Берлинская академия послужила образцом для основанной в Петербурге Академии наук. При этом Гордин подчёркивает, что этот образец не мог быть перенесен в Россию без изменений, поскольку соответствующих условий для этого не было [34, р. 8]. Любопытна аргументация, которую Гордин полагает важной и для объяснения решающей роли Лейбница в возникновении идеи основать Петербургскую акаде-

¹⁰ См.: [28, р. 136–137; 32].

мию наук. Коль скоро предполагается, что целью петровских реформ было формирование нового класса, а также нового способа поведения, отношения Лейбница и Петра I рассматриваются именно с этой точки зрения. Лейбниц представлял для Петра Великого именно тот образец учёного, который тот считал идеальным. Он был утончённым придворным, мастером дипломатии, универсальным учёным-энциклопедистом и был способен исполнять самые разнообразные поручения своих патронов. В то же самое время, как полагает М. Гордин, и Пётр I олицетворял для Лейбница идеал правителя – монарха, стремящегося просветить свой народ, распространить науки и образование. «Если Пётр, – пишет Гордин, – намеревался создать в России академическую инфраструктуру, которая бы произвела на свет поколения практикующих философов, то Лейбниц – самопровозглашённый “Солон России” – олицетворял собой тот вид философа, которого он надеялся создать» [34, р. 7]. Таким образом, Гордин полагает, что у Лейбница и русского царя были взаимные ожидания, что в конце концов предопределило историю основания Петербургской академии наук.

Говоря о том, каким же образом основание Петербургской академии наук должно было способствовать реформе манер («manners reform»), М. Гордин фактически соглашается с С. Уэрреттом: он полагает, что это можно увидеть путём анализа публичных мероприятий Академии, которые, как он считает, «намеренно *показывали* русским, что означает принадлежать к вежливому обществу» [34, р. 10]. В этом-то контексте и рассматривается в общем хорошо известный спор Бильфингера и Бернулли. Пожалуй, впервые внимание уделяется не столько содержанию этого спора, которое достаточно хорошо изучено¹¹, сколько внешним аспектам, касающимся поведения участников этого конфликта, который, как известно, имел не только собственно научное измерение, но также и межличностное. Гордин в этом контексте подробно рассматривает поведение Л. Л. Блюментроста, полагая, что его главной целью было восстановить правильное представление об академии среди русской публики, которой важно было показать, как нужно себя вести в просвещённом обществе [34, р. 26–29]. «Вопрос заключался в чести, – пишет Гордин, – и президент Академии, Лаврентий Блюментрост, делал всё, что в его силах, чтобы разрядить спор перед тем, как репутации были опозорены и позициям Академии был нанесён непоправимый ущерб» [34, р. 26]. Вероятно, в этой части рассуждения автора наименее убедительны.

С реформой этикета связана и попытка создать новый социальный класс, в чём ключевая роль отводилась Академии наук. Именно для этой цели, как полагает Гордин, Академия в конечном счёте и создавалась. Интересно в данном случае, что Гордин, вслед за А. Вучиничем, обращает внимание на то, что основание Петербургской Академии наук имело антиклерикальный смысл, будучи направлено против доминирующей роли православной церкви в деле образования и просвещения [34, р. 21]. В целом, как мы указали, смысл основания Академии наук Гордин понимает как попытку формирования путём образования общества нового типа в России. Именно поэтому Петра I он считает первым русским просвещённым монархом, а Россию – страной, в

¹¹ См.: [24].

которой проект Просвещения был реализован не меньше, чем на Западе [34, р. 29–31]. Такая интерпретация также представляется интересной и новаторской не только для западной, но также и для отечественной историографии.

Так же, как и отечественные историки науки, зарубежные исследователи много пишут о частных проблемах истории Петербургской академии наук, обращая внимания на биографии отдельных учёных, на историю их приглашения в Россию и их вклад в науку, хотя нельзя сказать, что таких работ много¹². Однако общих работ, посвящённых обзору истории основания и первых лет Петербургской Академии наук, в западной истории науки по-прежнему не хватает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественные и зарубежные историки науки интересуются в основном схожими темами. В отечественной историографии преобладает скрупулезный фактологический анализ истории основания Академии наук, который является *conditio sine qua non* любой серьёзной интерпретативной работы в этой области. Однако своего рода центром дискуссий (зачастую заочных) отечественных и зарубежных историков науки можно признать вопрос о национальной и административной автономии Академии. Этот вопрос, как мы показали, возник в русской историографии истории Академии ещё во второй половине XIX в., в которой роль иностранцев не всегда оценивалась положительно. Но в немецкой истории науки 1930–1940-х гг. роль иностранцев, особенно немцев, оценивается, как мы видим, с прямо противоположных позиций (В. Штида, Й. Беккер). Лишь к 1980-м гг. как в советской, так и в западной историографии – в трудах Ю. Х. Копелевич, К. Грау и Л. Шульце – формируется сбалансированный взгляд, который стремится учесть всё многообразие как внутренних (собственно российских), так и внешних обстоятельств, обусловивших формирование в России академической науки. В связи с этим уместно напомнить слова Лейбница о том, что Россия в научном отношении (в начале XVIII в.) представляла собой непаханое поле, или, как он говорил, *tabula rasa*. Однако если бы почва на этом поле была бы совершенно не восприимчива, вряд ли семена науки дали бы в ней такие ростки, из которых за почти трёхсотлетнюю историю российской науки выросло столь могучее растение. При этом важно понимать, что дискуссия о роли иностранцев в первые десятилетия истории Петербургской академии наук зачастую предполагает также и решение вопроса в целом о роли России в мире и в Европе как научной державы – является ли Россия центром или периферией научных исследований. К сожалению, в русской и западной историографии этот вопрос не всегда получает адекватный ответ.

Как мы показали, в 1990–2000-х гг. тематика, которую мы обозначили «национальным дискурсом» историографии истории Академии наук, отходит на второй план как в российских, так и в зарубежных исследованиях. Однако если российские исследователи продолжают углублённую работу

¹² См., напр.: [36; 37].

по выявлению новых фактов и освоению неизвестных страниц из истории основания и первых лет Академии наук, то зарубежные историки, лидерство среди которых перешло, на наш взгляд, к англичанам и американцам, сосредоточились на применении новых интерпретационных стратегий для понимания достаточно хорошо известных фактов (С. Уэрретт, М. Д. Гордин). На наш взгляд, особую роль в данном случае сыграла постмодернистская философия (Н. Элиас, М. Фуко, М. Биаджоли). При всей спорности тех трактовок, которые предлагают исследователи, работающие в этом жанре, нельзя не сказать, что им удалось выявить действительно не самые очевидные стороны истории основания и первых лет Академии наук. Новейшие культурологические и социологические теории позволили историкам понять историю Академии наук этого периода как часть тех ментальных и даже мировоззренческих тенденций, которые привели к особому, свойственному исключительно культуре Нового времени, видению мира, общества и человека. В данном случае важными для зарубежных историков науки оказались концепции дисциплинарной культуры (классическая эпистема, по М. Фуко), процесса цивилизации (Н. Элиас), а также идея о механицизме не только как о типе физического мировоззрения, но и как о целостном видении мира и человека. Но, пожалуй, главное, что привнесли упомянутые исследовательские стратегии, – понимание единства и синхронности отечественной и западноевропейской истории. Если традиционно историки исследовали процесс рецепции в России западной науки, в связи с чем и возникал комплекс вопросов, касающихся роли иностранцев в основании Академии наук, то теперь эта тематика дополняется пониманием того, что, хотя в России освоение западной науки происходило со своими особенностями, которых не могло не быть, Россия всё же развила свою собственную научную школу в рамках общей европейской научной культуры, реципиентом которой она изначально являлась.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Posselt M. C. Peter der Grosse und Leibnitz.* Dorpat ; Moscau : Severin, 1843. 284 s.
2. *Richter L. Leibniz und sein Russlandbild.* Berlin : Akademie-Verlag, 1946. 146 s.
3. *Герье В. И.* Лейбниц и его век: В 2 т. Т. 2: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1871. 208 с.
4. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1873. XXXIV, 372 с.
5. *Guerrie W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften.* Commissionare der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften, 1873. 372 s.
6. *Герье В. И.* Предисловие // Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1873. Р. I–XXVI.
7. *Копелевич Ю. X.* Основание Петербургской Академии наук. Л. : Наука, 1977. 211 с.

8. *Stieda W.* Die Anfänge der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.* 1926. Neue Folge. Bd. 2, h. 2. S. 133–168.
9. *Stieda W.* Die Übersiedlung Leonhard Eulers von Berlin nach St. Petersburg. Hirzel, Leipzig, 1931. 62 s.
10. *Толстой Д. А.* Академическая гимназия в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1885. 114 с.
11. *Толстой Д. А.* Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук : Чит. в заседании Ист.-филол. отд-ния 24-го сент. 1885 г. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 67 с.
12. *Becker J.* Unveröffentlichte Briefe aus der Gründungszeit der Akademie der Wissenschaften zu Leningrad // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.* Neue Folge. 1928. Bd. 4, h. 4. S. 605–618.
13. *Hinz W.* Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit // *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven.* Neue Folge. 1932. Bd. 8, h. 4. S. 349–447.
14. *Benz E.* Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin : Walter de Gruyter, 1947. 88 s.
15. *Maier L. A.* Die Krise der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften nach der Thronbesteigung Elisabeth Petrovna und die „Affäre Gmelin“ // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Neue Folge. 1979. Bd. 27, h. 3. S. 353–373.
16. *Renner A.* Wissenschaftstransfer ins Zarenreich des 18. Jahrhunderts. Bemerkungen zum Forschungsstand am Beispiel der Medizingeschichte // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2005. Neue Folge. Bd. 53, h. 1. S. 64–85.
17. *Смагина Г. И.* Семинар «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи»: 20 лет деятельности // *Немцы в России: встречи на перекрестке культур:* Сб. ст. СПб. : Росток, 2011. С. 469–522.
18. *Tetzner J.* Die Leipziger Neuen Zeitungen von gelehrten Sachen über die Anfänge der Petersburger Akademie // *Zeitschrift für Slavistik.* 1956. Bd. 1, h. 2. S. 93–120.
19. *Grau C.* Berühmte Wissenschaftsakademien: von ihrem Entstehen und ihrem weltweiten Erfolg. Leipzig : Verlag Harri Deutsch, 1988. 344 s.
20. *Шарф К.* Основание Берлинской и Петербургской академий наук и их отношения в XVIII в. в европейской перспективе // *Немцы в России. Три века научного сотрудничества.* СПб. : Росток, 2003. С. 7–38.
21. *Lipski A.* The Foundation of the Russian Academy of Sciences // *Isis.* 1953. Vol. 44, № 4. P. 349–354.
22. *Куприянов В. А.* Революция и интеллигенция в «Очерке развития русской философии» Г. Г. Шпета // *Философские науки.* 2019. Т. 62, № 1. С. 139–151.
23. *Vucinich A.* Science in Russian culture: A history to 1860. Stanford : Stanford University press, 1963. 463 p.
24. *Boss V.* Newton and Russia. The early influence. 1698–1796. Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1972. 309 p.
25. *McClellan J. E.* Science reorganized: Scientific societies in the eighteenth century. New York : Columbia university press, 1985. 413 p.
26. *Kopelevich Iu. Kh.* The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and State Institution // *Great Britain and Russia in the Eighteenth century: contacts and comparisons / Ed. by. A. G. Gross.* Newtonville (Mass), 1979. P. 202–211.
27. *Schulze L.* The Russification of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts in the Eighteenth Century // *The British Journal for the History of Science.* 1985. Vol. 18, № 3. P. 305–335.

28. *Werrett S. R. E.* An Odd sort of exhibition: the St. Petersburg Academy of Sciences in enlightened Russia, 2000. (Doctoral thesis).
29. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб. : Университетская книга, 2001. Т. 1: 332 с. Т. 2: 382 с.
30. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
31. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 488 с.
32. *Werrett S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth-Century Russia // *Osiris*. 2010. Vol. 25, № 1. P. 104–126.
33. *Werrett S.* The Panopticon in the Garden: Samuel Bentham’s Inspection House and Noble Theatricality in Eighteenth-Century Russia // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 47–70.
34. *Gordin M. D.* The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences // *Isis*. 2000. Vol. 91, № 1. P. 1–31.
35. *Biagoli M.* Etiquette, interdependence, and sociability in seventeenth century science // *Critical inquiry*. 1996. № 22. P. 193–238.
36. *Foucher de Careil L.-A.* Introduction // *Œuvres de Leibniz publiées pour la première fois d’après les manuscrits originaux, avec notes et introductions, 7 vol.* Vol. 7. Paris : 1875. P. V–XXVI.
37. *Chabin M.-A.* La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle // *Revue des études slaves*. 1985. Vol. 57, № 4. P. 565–576.

Статья поступила в редакцию 24.06.2021.

Одобрена после рецензирования 06.07.2021. Принята к публикации 17.11.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Куприянов Виктор Александрович

nonignarus-artis@mail.ru

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

AuthorID РИНЦ: 759070

ORCID ID: 0000-0003-0757-3752

Scopus Author ID: 57193092834

Web of Science ResearcherID: M-6487-2015

Смагина Галина Ивановна

galismagina@yandex.ru

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

AuthorID РИНЦ: 71415

ORCID ID: 0000-0001-7820-3949

Scopus Author ID: 6508070007

Web of Science ResearcherID: N-5643-2016

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.4.20

THE FOUNDATION AND THE FIRST DECADES OF THE ACTIVITY OF THE ST. PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES IN THE WORKS OF RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIANS OF SCIENCE. PART 2

Viktor A. Kupriyanov¹, Galina I. Smagina¹

---

¹S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS,
St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of the foreign historiography of the foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences. The authors focus on German and Anglo-American historiographic traditions. The authors analyze the works of M. Posselt, V. Stieda, A. Vucinich, S. Werrett, M. Gordin and others. The article shows the development of approaches to the highlighting of the problem of the foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences. The Western historiography was initially dominated by German historians of science who were mostly interested in the role of foreigners (primarily Germans) in the history of the foundation of the Academy of Sciences. The authors of the article show that German historians followed the approach developed in Russian pre-revolutionary historiography. However, both British and American historians of science worked within this approach in the 1950–1970s. In this regard, the authors of the article draw attention to the interpretation of the history of Russian science by A. Vucinich and show its relations to the positivist historiography. An important result of the study concerns the identification of the fact that transformation in the Western historiography of the foundation of the Academy of Sciences was associated with new postmodern methodological strategies in cultural studies and in sociology. The authors show that contemporary Anglo-American historians tend to use the social analysis of M. Foucault, N. Elias and other influential contemporary sociologists, which significantly enriches the historiography of the foundation of the Academy of Sciences.

Keywords: historiography, postmodernism, national discourse, foundation of the St. Petersburg Academy of Sciences, Peter I, history of the Academy of Sciences

Acknowledgments: The research was supported by the Russian foundation for basic research (RFBR) grant no. 20-011-42-014.

For citation: Kupriyanov, V. A., Smagina, G. I. (2021). The Foundation and the First Decades of the Activity of the St. Petersburg Academy of Sciences in the Works of Russian and Foreign Historians of Science. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 3, no. 4. P. 227–253.

DOI: 10.19181/smtp.2021.3.4.20

REFERENCES

1. Posselt, M. C. (1843). *Peter der Grosse und Leibnitz* [Peter the Great and Leibniz]. Dorpat; Moscau: Severin. 284 s. (In Germ.).
2. Richter, L. (1946). *Leibniz und sein Russlandbild* [Leibniz and his image of Russia]. Berlin: Akademie-Verlag. 146 s. (In Germ.).
3. Ger'e, V. I. (1871). *Lejbnic i ego vek. V 2-h t. T. 2: Otnosheniya Lejbnica k Rossii i Petru Velikomu po neizdannym bumagam Lejbnica v Gannoverskoj biblioteke* [Leibniz and his century. In 2 volumes. Vol. 2: Leibniz's relations with Russia and Peter the Great based on Leibniz's unpublished papers in the Hanover Library]. Saint-Petersburg: Pechatnya V. I. Golovina. 208 p. (In Russ.).
4. *Sbornik pisem i memorialov Lejbnica, otnosyashchihsya k Rossii i Petru Velikomu* [Collection of Letters and Memorials by Leibniz relating to Russia and Peter the Great] (1873). V. Ger'e (ed.). Saint-Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk. 372 p. (In Russ.).
5. Guerrier, W. (1873). *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen: eine geschichtliche Darstellung dieses Verhältnisses nebst den darauf bezüglichen Briefen und Denkschriften* [Leibniz in his relations with Russia and Peter the Great: a historical account of this relationship together with the related letters and memoranda]. Commissionare der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. 372 p. (In Germ.).
6. Ger'e, V. I. (1873). Predislovie [Foreword]. In: *Sbornik pisem i memorialov Lejbnica, otnosyashchihsya k Rossii i Petru Velikomu* [Collection of Letters and Memorials by Leibniz relating to Russia and Peter the Great]. V. Ger'e (ed.). Saint-Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk. P. I–XXVI. (In Russ.).
7. Kopelevich, Yu. H. (1977). *Osnovanie Peterburgskoj Akademii nauk* [The foundation of the St-Petersburg Academy of sciences]. Leningrad: Nauka publ. 211 p. (In Russ.).
8. Stieda, W. (1926). Die Anfänge der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg [The beginnings of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg]. *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge*. Vol. 2, is. 2. P. 133–168. (In Germ.).
9. Stieda, W. Die *Übersiedlung Leonhard Eulers von Berlin nach St. Petersburg* [Leonhard Euler's move from Berlin to St. Petersburg]. Hirzel, Leipzig 1931. (In Germ.).
10. Tolstoj, D. A. (1885). *Akademicheskaya gimnaziya v XVIII stoletii, po rukopisnym dokumentam Arhiva Akademii nauk* [Academic gymnasium in the 18th century, according to handwritten documents from the Archives of the Academy of Sciences]. Saint-Petersburg: Tip. akad. nauk. 114 p. (In Russ.).
11. Tolstoj, D. A. (1885). *Akademicheskij universitet v XVIII stoletii, po rukopisnym dokumentam Arhiva Akademii nauk: CHit. v zasedanii Ist.-filol. otd-niya 24-go sent. 1885 g.* [Academic University in the 18th century, according to handwritten documents from the Archives of the Academy of Sciences: Chit. in the meeting Ist.-philol. Separation of 24 Sept. 1885 g.]. Saint-Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk. 67 p. (In Russ.).
12. Becker, J. (1928). Unveröffentlichte Briefe aus der Gründungszeit der Akademie der Wissenschaften zu Leningrad [Unpublished letters from the founding period of the Academy of Sciences in Leningrad]. *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge*. 1928. Vol. 4, is. 4. P. 605–618. (In Germ.).
13. Hinz, W. (1932). Peters des Grossen Anteil an der wissenschaftlichen und künstlerischen Kultur seiner Zeit [Peters the Great part in the scientific and artistic culture of his time]. *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. Neue Folge*. Vol. 8, is. 4. P. 349–447. (In Germ.).
14. Benz, E. (1947). *Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit* [Leibniz and Peter the Great. Leibniz's contribution to the Russian cultural, religious and economic policy of his time]. Berlin: Walter de Gruyter. 88 p. (In Germ.).

15. Maier, L. A. (1979). Die Krise der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften nach der Thronbesteigung Elisabeth Petrovnas und die „Affäre Gmelin“ [The crisis of the St. Petersburg Academy of Sciences after Elisabeth Petrovna's accession to the throne and the "Gmelin Affair"]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Vol. 27, is. 3. P. 353–373. (In Germ.).

16. Renner, A. (2005). Wissenschaftstransfer ins Zarenreich des 18. Jahrhunderts. Bemerkungen zum Forschungsstand am Beispiel der Medizingeschichte [Science transfer to the tsarist empire of the 18th century. Comments on the state of research using the example of medical history]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Vol. 53, is. 1. P. 64–85. (In Germ.).

17. Smagigna, G. I. (2011). Seminar «Nemcy v Rossii: russko-nemeckie nauchnye i kul'turnye svyazi»: 20 let deyatel'nosti. In: *Nemcy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: Meetings at the Crossroads of Cultures: Sat. Articles: a collection of texts]. Saint-Petersburg: Rostok. P. 469–522. (In Russ.).

18. Tetzner, J. (1956). Die Leipziger Neuen Zeitungen von gelehrten Sachen über die Anfänge der Petersburger Akademie [The Leipzig New Newspapers of learned things about the beginnings of the Petersburg Academy]. *Zeitschrift für Slavistik*. Vol. 1, is. 2. P. 93–120. (In Germ.).

19. Grau, C. (1988). *Berühmte Wissenschaftsakademien: von ihrem Entstehen und ihrem weltweiten Erfolg* [Famous science academies: of their creation and worldwide success]. Leipzig: Verlag Harri Deutsch. 344 p. (In Germ.).

20. Sharf, K. (2003). Osnovanie Berlinskoj i Peterburgskoj akademij nauk i ih otnosheniya v XVIII v v evropejskoj perspektive. In: *Nemcy v Rossii. Tri veka nauchnogo sotrudnichestva* [Germans in Russia. Three centuries of scientific collaboration]. Saint-Petersburg. P. 7–38. (In Russ.).

21. Lipski, A. (1953). The Foundation of the Russian Academy of Sciences. *Isis*. Vol. 44, no. 4. P. 349–354.

22. Kupriyanov, V. A. (2019). The Revolution and Intelligentsia in G.G. Shpet's "An Outline of the Development of Russian Philosophy". *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 1. P. 139–151.

23. Vucinich, A. (1963). *Science in Russian culture: A history to 1860*. Stanford: Stanford University press. 463 p.

24. Boss, V. (1972). *Newton and Russia. The early influence. 1698—1796*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press. 309 p.

25. McClellan, J. E. *Science reorganized: Scientific societies in the eighteenth century*. New York: Columbia university press, 1985. 413 p.

26. Kopelevich, Iu. Kh. (1979). The creation of the Petersburg Academy of Sciences as a new type of scientific and State Institution. In: *Great Britain and Russia in the Eighteenth century: contacts and comparisons*. Ed. by. A. G. Gross. Newtonville (Mass). P. 202–211.

27. Schulze, L. (1985). The Russification of the St. Petersburg Academy of Sciences and Arts in the Eighteenth Century. *The British Journal for the History of Science*. Vol. 18, no. 3. P. 305–335.

28. Werrett, S. R. E. (2000). An Odd sort of exhibition: the St. Petersburg Academy of Sciences in enlightened Russia, 2000. (Doctoral thesis).

29. Elias, N. (2001). *O processe civilizacii: Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya* [About the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic research]. In 2 vol. Moscow; Saint-Petersburg.

30. Fuko, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The birth of a prison]. Moscow: Ad Marginem. 480 p. (In Russ.).

31. Fuko, M. (1977). *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities.]. Moscow: Progress publ. 488 p. (In Russ.).

32. Werrett, S. (2010). The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth-Century Russia. *Osiris*. Vol. 25, no. 1. P. 104–126.
33. Werrett, S. (2008). The Panopticon in the Garden: Samuel Bentham’s Inspection House and Noble Theatricality in Eighteenth-Century Russia. *Ab Imperio*. No. 3. P. 47–70.
34. Gordin, M. D. (2000). The Importation of Being Earnest: The Early St. Petersburg Academy of Sciences. *Isis*. Vol. 91, no. 1. P. 1–31.
35. Biagoli, M. (1996). Etiquette, interdependence, and sociability in seventeenth century science. *Critical inquiry*. 1996. No. 22. P. 193–238.
36. Foucher de Careil, L.-A. (1875). *Introduction [Introduction]. In: Œuvres de Leibniz publiées pour la première fois d’après les manuscrits originaux, avec notes et introductions [Works by Leibniz first published from the original manuscripts, with notes and introductions]. 7 vol. Vol. 7. Paris. P. V–XXVI. (In Fr.)*
37. Chabin, M.-A. (1985). La curiosité des savants français pour la Russie dans la première moitié du XVIIIe siècle. *Revue des études slaves*. Vol. 57, no. 4. P. 565–576. (In Fr.)

The article was submitted on 24.06.2021.

Approved after reviewing 06.07.2021. Accepted for publication 17.11.2021.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kupriyanov Viktor   *nonignarus-artis@mail.ru*

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russian Federation
 AuthorID RSCI: 759070
 ORCID Id: 0000-0003-0757-3752
 Scopus Author Id: 57193092834
 Web of Science ResearcherID: M-6487-2015

Smagina Galina   *galsmagina@yandex.ru*

Doctor of Historical Sciences, Main Researcher, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russian Federation
 AuthorID RSCI: 71415
 ORCID Id: 0000-0001-7820-3949
 Scopus Author Id: 6508070007
 Web of Science ResearcherID: N-5643-2016